

Пятница, 25 ноября 1988 года. Гермиона, уткнувшись в мамино плечо, продолжала всхлипывать. Кошмарные образы не желали растворяться, даже когда она ощутила сильные, родные руки, обнимающие ее дрожащее тело. Каждый раз, закрывая глаза, она видела их — подвешенных вверх ногами, а их кровь, капающую с волос, будто чернила, в темный бассейн внизу. Она решила, что больше никогда не будет смотреть телевизор. Книги никогда не являлись ей в таких страшных снах, но увиденные за мгновение пролистывания каналов картинки оставили глубокий след в ее душе. Почему же в тот момент батарейки в пульте решили сдаться? Развратный смех все еще звучал в ушах, а образы — фигуры в королевских синих плащах, орудующие злыми инструментами над ее лучшим другом, привязанным к полу, а по обе стороны от него капающая кровь ее родителей — заставляли ее содрогаться. Она уже не могла отличить, что было реальностью, а что — плодом ее воображения, играющего с ее самыми большими страхами. За разрушенной кроватью раздался тихий хлопок, и Гермиона увидела, как Гарри выглядывает из-за мамино плеча. — Гермиона? — прошептал он, с выражением страха на лице. Гермиона снова зарыдала, боясь, что ее секрет раскрыт. Что Гарри не захочет дружить с уродиной, которая не может контролировать свои силы. Она могла убить его сегодня ночью. — Все хорошо, милая. Это был просто кошмар, — успокаивала ее мама. — Я... они... о, мамочка, — Гермиона хотела лишь одного — уткнуться лицом в мамину грудь и раствориться в ее объятиях, но это лишь возвращало ей ужасные образы. Мама продолжала ворковать и гладить ее по волосам, пока трое Грейнджеров раскачивались на странно наклоненной кровати. — Мне очень... жаль, Гарри... — всхлипывала Гермиона, снова глядя на своего обеспокоенного друга. — Я должна была... сказать тебе... Гарри шагнул вперед и положил ей на плечо мягкую руку, заглядывая в глаза. — Что сказать? — спросил он. — Я... — Рыдания не позволили ей продолжить, но голос отца продолжил за нее. — Гермиона — телекинетик. Ты знаешь, что это значит? — Телекинетическая... она может перемещать предметы, не прикасаясь к ним? — спросил Гарри, глядя озадаченным. — Хотя с тех пор, как она встретила тебя, у нее не было таких приступов, — добавила Натали, мягко улыбаясь ему. — Я так испугалась. Они уже... — Нет, милая... не пытайся рассказать нам. Просто забудь об этом, — мама ворковала, прижимая ее к груди и усиливая нежное покачивание. — Думай о единорогах и феях. О радуге и ласковом море. Позволь своему разуму погрузиться в спокойные воды. Как мы и практиковали. Гермиона последовала указаниям матери. Прошли годы с тех пор, как у нее случались небольшие приступы способности, и она перестала выполнять успокаивающие техники перед сном. Она позволила своему разуму перенестись в то место, которое она создала в четырехлетнем возрасте, испугавшись собственной тени. Вскоре перед ее мысленным взором возник луг, мягкие цветы и трава ласкали ее руки и душу, когда она позволила себе полностью погрузиться в успокаивающий мир. Через несколько мгновений воздух наполнился танцующими феями, которые кружились вокруг нее и пели нежные песни, успокаивающие ее неровности. Вскоре к ним присоединился Кайус, серебристоволосый единорог с золотым рогом, которого она не видела уже много лет. Он медленно приближался к ней, его мощные мускулы мягко перекачивались под сверкающим плащом. Рог казался сделанным из расплавленного золота, находящегося в постоянном движении, но на ощупь он был как шелк, мягко скользящий по ее щеке. Позади нее слышался мягкий шум волн, накатывающих на белый песок пляжа, окаймлявшего ее мысленный луг, и она знала, что стоит ей повернуться, и из спокойных вод раскинется огромная яркая двойная радуга, несмотря на то что ее мозг знал, что такого не может быть на ярком безоблачном небе ее разума. Почувствовав удовлетворение от своего счастливого места, Гермиона открыла глаза и поняла, что слезы прекратились. Она заметила, что теперь ее обнимает только мать, а Гарри прижимается к Натали с другой стороны и смотрит прямо на нее, на его лице по-прежнему написано глубокое беспокойство. Она позволила себе небольшую гримасу на лице и увидела, как он расслабился при этом взгляде. — Мне очень жаль, Гарри, — сказала Натали, проведя рукой по его волосам. — Это было так давно. И с ней никогда не случалось ничего подобного, когда ты был рядом. Надеюсь, ты не винишь ее. Мы подумали, что будет лучше, если она

сохранит это в тайне.— Винить ее? По-моему, это великолепно, — ответил Гарри, широко улыбаясь своему лучшему другу. Гермиона почувствовала, как последние остатки страха смываются успокаивающими водами, когда ее друг подтвердил, что не боится ее. Все остальные дети, которые наблюдали за ее способностями, убегали с криками. А если их спрашивали об этом, они всегда вели себя так, будто она сошла с ума, говорили, что понятия не имеют, о чем она говорит, и бросали на нее странные взгляды. Это еще больше оттолкнуло ее от сверстников, так как она не могла понять, серьезно они говорят или нет. На несколько минут она испугалась, что с Гарри будет то же самое. Несмотря на долгие годы дружбы, она боялась этого больше, чем сна, который все спровоцировал. Ричард встал и согнал троицу с кровати Гарри, решительно поставив ее на пол рядом с кроватью Гермионы. В комнате по-прежнему царил хаос, но, если не считать того, что на кровать приземлились и столкнули с неё, кровать Гермионы была в полном порядке. Он откинул покрывало и похлопал по матрасу. — Ну вот и все, тыковка. И ты, Гарри. Мы пойдем выпьем горячего шоколада, чтобы помочь тебе уснуть. Гермионе не хотелось покидать объятия матери, но Гарри обхватил ее за плечи и помог дойти до кровати. Они как раз укладывались спать, когда раздался звонок во входную дверь. Мать взглянула на часы, стоящие у кровати, но они, видимо, были сорваны со стены во время переполоха и показывали лишь пустой экран. — Кто может звонить в такой час? — спросила она, когда они с отцом быстро направились к двери и вниз по лестнице.— Гермиона... мои родители, — Гермиона заметно напряглась при этих словах Гарри. Неужели он только что притворялся перед ее собственными родителями? — Они хотят поговорить с тобой о том, что произошло. Думаю, они смогут помочь, — закончив фразу, он прижался к ней еще теснее, позволяя ей снова расслабиться. Нет, не притворство. Только не Гарри. Он никогда бы так с ней не поступил. Это всего лишь старые страхи, возникшие после такого испуга. Она тихонько кивнула и почувствовала, как Гарри крепко обнял её, а его улыбка прижалась к её лбу. Тяжелый воздух комнаты, пахнувший пылью и забвением, застыл в предвкушении. Сквозь узкую щель в двери пробился луч света, заставив мерцать пыль, танцующую в лучах. И в тот же миг, как в комнату, с тихим шелестом, вошли несколько фигур в темных одеждах, похожих на призраков, — они растворились в воздухе. Исчезли, словно и не было их вовсе.